

КОНСТРУИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД ЯЗЫКА

© Р.Р.Замалетдинов

В статье рассматриваются механизмы взаимодействия конструирования языковой картины мира и паремиологического фонда языка, представляющего собой один из вариантов ее концептуализации. Исследуется лингвокультурологический аспект в структуре национальной языковой картины мира.

Ключевые слова: национальная языковая картина мира, лингвокультурология, паремиологический фонд национального языка, ментальность

В 50-е годы XX века одним из магистральных направлений антропологической науки стало изучение картины мира, которое впоследствии развилось в когнитивную антропологию. Один из вариантов концептуализации картины мира был предложен Р.Редфильдом. По его определению, картина мира – это видение мироздания, характерное для того или иного народа, представление членов общества о самих себе, своих действиях и активности в мире. Если концепция "национального характера" касается прежде всего взгляда на культуру со стороны внешнего наблюдателя, то картина мира, напротив, предполагает исследование взгляда представителя определенной культуры на внешний мир. С.В.Лурье отмечает, что "концепция "картины мира" подразумевает интерпретацию культуры, выявление оттенков, характерных только для нее, применении к исследованиям метода эмпатии (сопереживания)" [1: 200].

Для того чтобы изучить отдельную культуру, исследователю необходимо взглянуть на нее глазами носителей именно этой культуры и увидеть очевидные для него смыслы отдельных элементов этой культуры, связи между этими элементами, научиться говорить о культуре в тех категориях и с теми акцентами, которые естественны для носителя культуры. Именно этот ракурс осмысления культуры и высвечивает антропологическая парадигма в языкознании.

Языковая картина мира является одним из способов структурирования знаний об объективной действительности. Все знания человека о мире, полученные им в течение жизни, существуют в его сознании в виде картины мира, которая определяет отношение человека к реальности, оказывает влияние на нормы поведения, становление системы ценностей, социально детерминированных императивов и запретов, на стратегию жизнедеятельности и способы осознания человеческой субъективности.

Язык, являясь средством познания, сохранения и передачи социально значимого опыта и средством управления поведением человека, как особая система сигналов о реальной действительности позволяет оперировать понятиями в их отвлечении от конкретных предметов и ситуаций. При изучении картины мира используются данные разных дисциплин. Комплексное использование разработок и теоретико-методологических установок разных наук позволяет высветить как саму проблему, так и пути ее решения.

Картина мира в общефилософском смысле – это совокупность мировоззренческих знаний о мире, совокупность предметного содержания, которым обладает человек. Являясь необходимым моментом жизнедеятельности индивида, картина мира определяет специфический способ восприятия мира. В современной науке осмысление картины мира происходит через рефлексию над результатами достижений науки и в русле семиотического, культурологического и лингвистического анализа.

Логическим развитием традиционной для языкознания проблемы соотношения языка и культуры можно считать появление лингвокультурологии.

Понятие "культура" – предельное интегративное понятие гуманитарного знания. В.Н.Телия предлагает из многих граней культуры выделить лишь наиболее существенные с точки зрения их проявления в лингвокультурологическом анализе и на этой основе определяет культуру как "часть картины мира, которая отображает самосознание человека, исторически видоизменяющегося в процессах личной или групповой рефлексии над ценностно-значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека". Из этого следует, что культура – это "особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик" [2: 19]. Также куль-

туру можно определять через ценностные категории, в образовании которых участвует и эстетическая фантазия, и эмоциональные запреты: в них значительно больше нерационального, чем рационального.

По определению Э.Сепира, культура – "то, что данное общество думает и делает. Язык же есть то, как думают" [3: 193]. Проникновение в образ мышления нации предполагает в первую очередь знакомство с семантическим пространством чужого языка, с членением, структурированием этого пространства на разных уровнях, по существу, приобщение к языковой картине мира.

Нет одинаковых национальных культур, аналогично отражающих сходные культурные предметы или даже одни и те же явления природы. Для формирования этнокультурного эталона объекта используются не только перцептивные данные, полученные при чувственном восприятии этого предмета, но и априорные культурные знания. Ментальный образ этого объекта, перенесенный из одной культуры в другую, всегда несет в себе элементы национально-культурной специфики.

Новые знания при постижении чужой культуры формируются лишь в том случае, когда человек побуждается к этому необходимостью искать различия между образами своей и чужой ему культуры, стремится понять суть таких различий. А это происходит тогда, когда познаваемый образ воспринимается как чужой, еще сохраняющий нечто непознанное. При таком способе познания чужой культуры необходимо помнить, что новые знания о ней формируются на основе "старых" знаний субъекта. Все, что имеет символическую интерпретацию, является предметом национальной культуры. Смысловая структура таких единиц языка, многоуровневость их семантической организации порой отсылает к историческому прошлому народа, к мифу. Латентная образность, скрытая или стертая метафоричность вербализованного символа требуют специального анализа.

Вопрос о том, как осуществляется связь языка с национальной культурой, разными исследователями решается по-разному: через национально-культурный компонент значения (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров), через фоновые знания (Ю.А.Сорокин), через культурную коннотацию (В.Н.Телия, В.А.Маслова) и др. Исследователи приходят к выводу о том, что культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологических единиц или па-

ремиий посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами.

В семантике слов и фразеологизмов происходит не только членение и категоризация континуума окружающего мира, выделение в нем дискретных сущностей, но и его переосмысление, интеграция нового знания в систему ранее приобретенной социокультурной информации, формирование эмоционально-оценочного отношения к нему этнокультурного сообщества. В результате этого рождаются довольно устойчивые микро- и макротексты как явление культуры. Используя такие микротексты, человек присваивает заключенный в них опыт, внедряя его в собственное сознание. Ярким примером такого отражения в языке являются фразеологизмы и афоризмы народного происхождения. В простоте слова заключена огромная интеллектуально накопленная информация, философская глубина, аккумулирующая народный опыт, народную мудрость, народную эмоциональность и оценку.

Мы считаем, что в большей части татарских фразеологизмов сохраняются "отпечатки" национальной культуры, исторического прошлого народа, которые могут быть выявлены. Для анализа фразеологизмов необходимо рассмотрение их внутренней формы и национально-культурной коннотации. В них заключаются сведения о климатических условиях (*кар өстенә бәс, кыш көне кар бирмәс, төкерек жиргә төшмәслек салкын, жыл ягына салам кыстыру*), о занятиях земледелием (*саламны печәннән аера алмау, ындыр артлатып кына йөрү, арпа эчендә бер бодай, ташта борчак үстерү, эре бәрәңге ашаган, сабан сөрергә генә калды*) и скотоводством (*агач атка атландыру, ат ачуын тәртәдән алу, сарык арасына бүре кергән*), о традиционных блюдах народной кухни (*ачы катык кебек кабару, бал да май эчендә йөзү, көн дә бәләш, көн дә туй*), о бытовом укладе татар, об особенностях этикета, обычаях, поверьях (*пәри башка, жән башка, жәннән куркып албастыга очраган, жиде башлы аждажа*), о религиозных верованиях (*иблисне иманга өндәү, Аллага да юк, муллага да юк, Нух пәйгамбәр заманыннан*) и т.п.

Наиболее ярко обнаруживается специфика тех фразеологизмов, в которых большую роль играет денотативный план, речь в этом случае идет о специфических реалиях национальной культуры. Однако в большей части фразеологизмов культурная информация представлена иным образом, в первую очередь через эмотивно-оценочное и образное основание.

В самом рождении фразеологизма и закреплении его в системе языка участвуют национально-культурные стереотипы и эталоны. Как видно

из приведенных выше примеров, довольно большое количество фразеологизмов связано с мифологемами. При этом следует заметить, что в тюркской и татарской фразеологии можно обнаружить множество примеров, когда на первый план выступает общечеловеческое содержание.

Плоды многовековых наблюдений и раздумий народа, его мечты и надежды воплотились в значениях слов, в устойчивых сочетаниях слов, загадках, пословицах. Так народ создавал свое искусство, свою поэзию и жизненную философию. Трудно перечислить все художественные определения, которые дают пословицы. Ее называют народной мудростью, практической философией, устной школой, сводом правил жизни, исторической памятью народа.

Часто пословичные выражения имеют форму категорического утверждения или отрицания, конденсирующего многовековой опыт народа. По утверждению В.П.Аникина, в пословице заключены наблюдения народного ума, народная оценка жизни. Могли становиться пословицами и существовать на протяжении многих веков только те изречения, которые согласовывались с образом жизни и мыслями множества людей. Пословицы выражают мнение народа [4].

Меткое сравнение, лаконичная фраза, сказанная кем-то однажды по какому-то конкретному поводу, благодаря постоянному употреблению в аналогичных по смыслу ситуациях, становятся атрибутами народной речи. Как отмечают Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров, суждение представляет лишь часть того массива информации, который несет в себе афоризм. Именно поэтому "означаемым афоризма следует считать типовую ситуацию, т.е. совокупность обстоятельств, признаков, оценок, положений, но на известном уровне абстракции – в отвлечении от мелких и несущественных характеристик" [5: 93].

Современное языкознание характеризуется расширением связей с различными областями гуманитарного знания, за счет чего становится возможным расширить область исследования и посмотреть на традиционные объекты исследования лингвистики с новой точки зрения. Несмотря на длительную по времени практику исследования пословиц и поговорок, в последнее время ощущается потребность в выработке новых подходов к изучению и классификации паремиологических единиц с учетом современных теоретических установок.

Фонд паремиологических единиц языка представляет несомненный интерес для лингвокультурологии и теории концептов, так как позволяет реконструировать наиболее важные сте-

реотипы массового национального сознания. Изучение паремий позволяет выявить, во-первых, культурно обусловленный компонент языковых значений и, во-вторых, рассмотреть когнитивные механизмы формирования важнейших культурных стереотипов. Функционируя как средство хранения и передачи народного опыта, являясь своего рода кристаллизацией этнического мировоззрения, паремиологические единицы обнаруживают органическую связь с концептами как культурно-специфическими вариантами понятий, которые составляют когнитивный базис национальной языковой картины мира. Кроме того, "в пословично-поговорочном фонде языка находят эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры" [6: 28].

Доиндустриальные общества, а именно в них рождались пословичные выражения, воспроизводятся на основе социальной связи, определяющейся личной зависимостью человека от человека. Механизмом сохранения структур личной зависимости оказывается силовое – в более узком смысле – внеэкономическое принуждение, ограничивающее возможности социального индивида. Характерным выражением таких социальных связей являются традиции, которые "означают установившийся порядок, неписаный закон поведения в быту, обычаи" [7: 426].

Обучение человека, как правило, сводится к передаче и усвоению социальных и культурных образцов – форм, которые обеспечивают общественное воспроизводство. Пословицы аккумулируют и транслируют подобное социально значимое и культурно маркированное знание. Татарские пословицы говорят: *мәкаль сакалдан олырак* (букв. пословица старше бороды), *мәкальдә ялган юк, яхшыда яман юк* (букв. в пословице не содержится ложь, в добре не содержится зло), *мәкальдә һәркемгә дә өлеш бар* (букв. в пословицах есть доля каждого) и др.

Современная татарская фольклористика располагает довольно большим количеством разных по содержанию, структуре и объему сборников пословиц и поговорок. Огромное количество татарских пословиц и их вариантов собрано и систематизировано Н.Исанбетом в трехтомнике "Татар халык мәкальләре" (1959, 1963, 1967 гг.).

Публикация и интерпретация тюрко-татарских пословиц имеют более чем тысячелетнюю историю. Уже на ранних стадиях общественного развития вырабатывались определенные правила, морально-этические представления и нормы, которые также оформлялись в виде пословичных суждений, выполняя роль неписаных законов и правил. Причем в традиционном об-

шествие следование заветам древних — это гарантия правильности действий индивида, а отклонение от них часто оценивалось как нечто опасное, крамольное, заслуживающее осуждения, даже греховное. Именно поэтому возникли, например, поговорки *тузга язмаганны сөйләү* (букв. говорить то, что не написано на бересте) со значением "чушь несусветная" и *тузга язган* (букв. то, что написано на бересте), соответственно — "что испытано временем" [8: 251]. Как и у других народов, тюрко-татарские пословицы вербально оформляли обычное право и требовали его соблюдения: *ат белән кызы авылдан алма* (букв. лошадь и жену не бери из своей деревни); *якыннан хатын алсаң, колагың каты булсын* (букв. если возьмешь жену из родни, оглохни) и др.

То, что истинность пословичных выражений подкреплена авторитетом прошлых поколений и обсуждению не подлежит, подтверждается и тем, что у татар пословицы часто вместо заимствованного арабского слова "мәкаль" называются *борынгылар сүзе* (букв. изречения древних), *картлар сүзе* (букв. изречения старцев). Это отражено и в текстах самих пословиц: *амбар төбөндә икмәк бар, картлар сүзендә хикмәт бар* (букв. в амбаре содержится хлеб, в изречениях древних содержится мудрость); *картлар сүзен кар басмас* (букв. изречения древних не покрываются снегом); *борынгылар сүзен тыңламасаң, борының белән капланырсың* (букв. если не будешь прислушиваться к изречениям древних, шлепнешься носом); *картлар сүзен капка башына язып куй* (букв. изречения древних высеки над воротами).

Пословичные высказывания представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, содержат эмоционально-экспрессивную оценку поступков человека, событий, явлений. Здесь уместно привести следующие слова известного татарского фольклориста Х.Ш.Махмутова: "... пословица всегда поучительна, она дает разумные советы и наставления на самые различные случаи жизни. Суждение, приговор, поучение, высказанные пословицей, представляют всеобщее мнение, непосредственно вытекающее из общественной практики, социально-исторического опыта народных масс. Как раз в этом проявляется сила пословицы, ее неуязвимость" [9: 11].

Пристальный интерес лингвокультурологии к пословицам и поговоркам может быть объяснен тем, что паремии — это словесно выраженные "стереотипы народного сознания" [10: 43].

Пословичные выражения обладают большим эвристическим потенциалом для лингвокульту-

рологических исследований также по причине своего фольклорного происхождения, так как фольклор является важной формой существования традиционной этнической культуры, связующей воедино разные стороны духовной жизни, обряды, традиционные виды трудовой деятельности. Фольклорное слово — "это не просто знак, и фольклорный язык — это не просто система произвольных знаков. Это особая культура с достаточно жесткими нормами, складывающимися исторически" [11: 69]. Будучи составной частью живой разговорной речи определенной эпохи, пословицы вбирают в себя ее существенные черты. С помощью минимального количества слов и скупых образных средств в них передаются мощь и красота, экспрессия, лаконизм и компактность народной речи.

При лингвокультурологическом анализе мы считаем необходимым обращать особое внимание на следующие методологические установки:

- признание паремиологического фонда национального языка в качестве важнейшего средства аккумуляции и трансляции культурного опыта народа;

- согласие с концептуальным единством паремиологического пространства языка как областью вербализации важнейших срезов национальной языковой картины мира;

- учет важности паремий в выявлении специфики ценностной окрашенности национальной языковой картины мира.

Таким образом, фонд паремиологических единиц языка представляет несомненный интерес для конструирования картины мира и лингвокультурологии, так как позволяет исследовать важнейшие лингвокультурные константы и специфику мышления народа. Большой частью паремии обращены к человеческой нравственности: поискам и определению содержания таких понятий как добро, зло, ложь, гнев, сострадание, терпение, смирение и др. в преломлении этнического мировоззрения. В них отражаются основные стереотипы народного сознания, существующие стандарты и нормы поведения и идеалы, характерные для национальной культуры. Когнитивная направленность актуальных лингвистических исследований стимулирует исследование паремиологического фонда языка как источника информации о менталитете народа и особенностях его культуры.

*****

1. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. — 2003. — 624 с.

2. Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 336 с.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.
4. Аникин В.П. Мудрость народов // Пословицы и поговорки народов Востока. – М.: Иностр. лит-ра, 1961. – С.56-273.
5. Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного; 3 изд., перераб. и доп. – М.: Рус. язык, 1983. – 269 с.
6. Бабаева Е.В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда: межвузов. сб. науч. тр. – Воронеж, 2002. – Вып.2. – С.25-35.
7. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече; АСТ, 2003. – 511 с.
8. Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.
9. Махмутов Х.Ш. Афористические жанры татарского фольклора: Автореф. дис. ... докт. филол. наук; Ин-т языка, литер. и истории им. Г.Ибрагимова АН РТ. – Казань, 1995. – 76 с.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Academia, 2001. – 208 с.
11. Тарланов З.К. Язык и культура: учеб. пособие по спецкурсу. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1984. – 104 с.

CONSTRUCTING THE PICTURE OF THE WORLD AND PAREMIOLOGICAL RESOURCES OF LANGUAGE

R.R.Zamaletdinov

The article deals with the mechanisms of interaction of the language picture of the world and paremiological resources of the language as one of the ways of its contextualization. The linguistic and cultural aspects within the structure of the national picture of the world are studied by the author.

Key words: national language picture of the world, linguistic cultural studies, paremiological resources of the language, mentality

* * * * *

Замалетдинов Радиф Рифкатович – доктор филологических наук, профессор, ректор Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

E-mail: Rector@tggu.ru